

УДК 008.009:39

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СССР И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ТАТАР В 1945–1950-е гг.

А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук

В первые послевоенные годы общество жило большими надеждами на демократические перемены. Ответом на них стали ужесточение партийно-государственного контроля над различными сферами общественно-политической и духовной жизни, использование репрессий. Власти пытались ввести в жесткие рамки официальных догм, прежде всего, научную и художественную интеллигенцию. С ее помощью они рассчитывали «развернуть решительную борьбу за чистоту марксистско-ленинской идеологии, против любых проявлений безыдейности, аполитичности, пережитков прошлого, националистических предрассудков». Так говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», принятом 9 августа 1944 г., когда враг был изгнан с территории СССР. Это постановление на десятилетия определило установки в области национальной политики в Татарстане, местные власти по нему выверяли деятельность научных и культурных учреждений республики. Первое крупное общественное мероприятие в свете августовского постановления прошло здесь в сентябре 1944 г., когда состоялось собрание республиканского партийного актива.

Вскоре мощный идеологический удар обрушился на Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории – центр татарской гуманитарной науки. В октябре 1944 г. бюро Татарского обкома КПСС прини-

мает постановление «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», в котором были продублированы основные положения августовских решений ЦК ВКП(б). Институт был обвинен в том, что допустил серьезные ошибки националистического характера в освещении истории, литературы и искусства татарского народа¹. Негативная оценка властей была вынесена статье Наки Исанбета «500-летие татарского народного эпоса – дастана «Идегей», опубликованной в 1940 г. в журнале «Совет эдэбияты» (№№ 11–12)², в постановлении обкома ВКП(б) от 28 ноября 1944 г. «Об ошибочной статье Н. Исанбета». Принятые решения свидетельствовали об отказе от объективного изучения истории татарского народа. В исторической науке возобладала болгарская теория происхождения татар. Золотая Орда стала рассматриваться как отрицательное явление для социогенеза не только Татарстана, но и России.

В феврале 1945 г. на пленуме обкома ВКП(б) первый секретарь Муратов и секретарь по идеологии Малов еще раз подтвердили официальные установки, придерживаться которых в обязательном порядке предписывалось всем, кто изучает, пишет, говорит об истории татар. Суть их состояла в артикуляции позитивного показа совместной борьбы русского, татарского и других народов страны против чужеземных захватчиков, царизма и помещичье-капиталистического гнета, социалистического преобразования Татарии, по-

пуляризации революционеров-татар³. Все прогрессивное в истории татарского народа необходимо было связывать только с ролью русского народа и Российского государства. Все, что относилось к периоду государственного могущества татарского народа, было связано с мусульманским Востоком, предлагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно. Это, например, превращало «завоевание» Казанского ханства в «присоединение» Русским государством, причем непременно имевшее прогрессивное для татар значение. В 1946 г. в Москве прошла научная сессия, посвященная этногенезу татар. Несмотря на то, что в процессе дискуссии было сделано немало откровенных аргументированных высказываний, в которых булгарская гипотеза подвергнута серьезному сомнению, она утвердилась в исторической науке⁴. В 1949 г. под идеологический пресс попал сборник статей отдела истории ИЯЛИ «Происхождение казанских татар». Его авторы, известные историки Б.Д. Греков, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, Е.И. Чернышев, были обвинены в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар»⁵.

Разгромной критике были подвергнуты в тот период и литературоведы. Так, составленный в конце 1940-х гг. проспект истории татарской литературы получил порицание за слабое раскрытие влияния русской революционно-демократической литературы, отсутствие показа борьбы двух направлений литературы в классовом обществе, переоценку «суфийской» литературы. Вопиющей ошибкой была названа исследовательская работа Г. Кашшафа по изучению творчества Дэрдменда только за то, что тот был золотопромышленником⁶.

Ученых ИЯЛИ осуждали за «замкнутость, отрыв от жизни, от актуальных задач советского литературоведения»⁷.

Данное обвинение строилось на том основании, что никто из литературоведов не желал участвовать в инспирированных сверху разоблачительных кампаниях и не выступил в печати с критикой космополитизма. Институт получил серьезное замечание также за то, что ни один из филологов не избрал для своей диссертации тему по советскому периоду. Ученые действительно не хотели заниматься политически ангажированными проблемами советской литературы, ведь именно в отношении нее малейшее несоблюдение коммунистической «рецептуры» строго осуждалось. Так, Ф. Хусни, Л. Залаяй, Ф. Мусагит, пытавшиеся критически осмыслить произведения современных им татарских писателей, получили упрек за принижение значения их творчества.

Самым непосредственным образом общий курс на ужесточение партийного контроля над духовной жизнью страны коснулся и самой литературы. Жесткие идеологические рамки были обозначены в докладе секретаря Союза писателей ТАССР К. Наджми в июле 1945 г., в котором он повторил партийные установки относительно освещения истории Золотой Орды и подходов к эпосу об Идеее. К. Наджми призвал писателей сосредоточить свои усилия на создании «высокохудожественных произведений, раскрывающих высокий моральный облик героев нашего времени, отображающих великую победу советских народов, рисующих жизнь татарского народа в период социалистического преобразования Татарии в годы Советской власти»⁸.

27 августа 1947 г. в газете «Правда» была опубликована статья собственного корреспондента по Татарской АССР С. Бахтиярова «Серьезные недостатки в работе с писателями Татарии», в которой сообщалось о роспуске редакции журнала «Совет эдэбияты» за публикацию сборника стихов Ш. Маннура «Теллега дергачей». Он был назван пасквилем на советскую действительность, в этом же стиле оценивалось в статье все творчество Ш. Маннура. С. Бахтияров

подытоживает свое выступление критической «попустительской» позиции руководства Союза писателей республики.

После такой публикации в главной газете страны последовала вереница заседаний Татарского обкома, Казанского горкома, Бауманского райкома ВКП(б), на которых принимались решения, смысл которых сводился к тому, что из поля зрения «здоровой критики» не должно ускользнуть ни одно произведение⁹. От деятелей культуры требовали воспеть пафос восстановления, изображать лучшие черты и качества советского человека, позитивные явления социалистического строя, лишая при этом права изобличать реальные пороки общества. К примеру, басня А. Исхака «Дыра» была раскритикована за точно подмеченный критерий социальной успешности: сиди тихо, не трогай никого, и тебя никто не тронет¹⁰. В конце 1940-х гг. идеологическому разгрому подверглись либретто оперы «Алтынчеч» Н. Жиганова, комедия «Ходжа Насретдин», драма «Райхан» Н. Исанбета, поэма А. Ерикеева «Орленок», а также многие рассказы А. Еникеева, С. Баттала («По столбовой дороге»), Ф. Хусни («Тропа пешехода»), М. Амира, Ш. Маннура¹¹. Жесткие предписания были предъявлены к репертуару театров, от которых требовали современных спектаклей, «правдиво отображающих жизнь и борьбу советских людей». Как не соответствующие партийным установкам были запрещены к показу около двух десятков спектаклей столичных театров¹².

Идеологическим проработкам подверглись учебники. Дважды (в сентябре 1948 г. и в январе 1952 г.) был резко раскритикован учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторы обвинили в том, что они «оказались в плену буржуазного объективизма», включили в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама, идеализировали «религиозно-

мистическое творчество» М. Колый, Утыз Имяни. В число вредных попали некоторые произведения Г. Кандальный, Ф. Халиди. В постановлении бюро обкома КПСС «Об ошибках в учебнике литературы для восьмого класса татарских средних школ» как буржуазно-националистическое течение, стремившееся оторвать татарский народ от России, был представлен джадидизм. Общим результатом этой кампании стало то, что была наложена опала на имена и произведения людей, составляющих гордость татарской литературы.

Не в силах противостоять идеологическому натиску, деятели культуры переставали писать, творить, за что тоже получали «нагоняй» со стороны партийных органов. В 1948 г. известные своими сатирическими произведениями А. Исхак, М. Максудов, А. Шамов были подвергнуты так называемой партийной критике за отсутствие «новых вещей». О состоянии «внутренней эмиграции» татарской интеллигенции, не желавшей «плясать под идеологическую дудку», свидетельствует письмо корреспондента «Советской России» по ТАССР С. Мокшина главному редактору этой газеты П.П. Ерофееву. Оно написано в 1957 г., т.е. уже в период разоблачения культа личности Сталина. Тем не менее в письме отмечается: «После известного решения ЦК по татарской парторганизации республиканские газеты шарахнулись в другую крайность и перестали вообще упоминать об эпохе Идеее, о джадидизме и т. д., перестали вести идеологическую борьбу против буржуазно-националистических предрассудков. Это привело к тому, что разговор велся в кулуарах, в узком кругу людей, а на страницах печати эти вопросы замалчивались. В последнее время газеты совершенно не публикуют статей, посвященных пропаганде успехов ленинской национальной политики, дружбе народов СССР. А если время от времени такие статьи и появляются, то в них много декларативности, нет должной политической остроты, они, как правило, оторваны от местной жиз-

ни. По существу идеологическая работа на страницах газет имеет оборонительный, а не наступательный характер, в статьях редко дается отпор неправильным взглядам и отсталым настроениям»¹³. Из процитированного письма явно просматривается позиция национальной творческой интеллигенции в неприятии официальной линии в трактовке истории и культуры татарского народа, в профанации пропагандистской деятельности, навязываемой партийными органами.

Усиленным идеологическим проработкам подверглись в послевоенный период все отрасли науки. В республике, как и по всей стране, развернулись погромные дискуссии по проблемам философии, биологии, языкознания, политической экономии. В 1947 г. во всех научных и учебных учреждениях прошли собрания, осуждавшие московских профессоров Ключеву и Роскина за попытку опубликования в американском журнале своей научной статьи. Несмотря на то, что советские медики действовали официальным способом, спрашивая разрешение на ознакомление зарубежной общественности с результатами своих исследований в Министерстве здравоохранения, их обвинили в отсутствии патриотизма. В прокатившейся по стране обличительной кампании досталось и казанским ученым. В низкопоклонстве перед Западом были обвинены преподаватели пединститута Велихов и Порфирьев, которые, так же, как их московские коллеги, в ответ на предложение Калифорнийского университета хотели напечатать свои труды за границей. Получил порицание ученый секретарь химического института Никаноров за то, что о приготовленном им препарате появилось сообщение в иностранной печати. Необходимо отметить, что в Казани находились ученые, которые, рискуя своей карьерой, не желали участвовать в публичной «порке» своих коллег. Так, Арбузов и Миропольский открыто заявили, что не считают ошибкой и, более того, приветствуют стремление ученых

поддерживать научные контакты с иностранными коллегами¹⁴.

В 1948–1950 г. Татарский обком ВКП(б) принял ряд решений против ученых, не вписывавших свои работы в идеологические клише. В этот период была осуждена деятельность ученых-юристов КГУ, станции животноводства Татарского научно-исследовательского института по сельскому хозяйству, преподавателей финансово-экономического института. Опытную станцию по животноводству обвинили в низком уровне научно-исследовательской работы за статью сотрудника Лебедева «Изучение состояния черкасской породы овцы в условиях ТАССР». В ней было проведено сравнение показателей двух групп овец – общественного и индивидуального пользования, выводы по всем исследованным параметрам оказались не в пользу колхозного стада, поэтому исследование было объявлено антинаучным. За дискредитацию колхозного строя была раскритикована деятельность научного сотрудника ИЯЛИ доцента Элиа, руководителя фольклорной экспедиции по сбору, как было отмечено в партийном документе, «антисоветских, антиколхозных частушек»¹⁵. Ученый, с точки зрения властей, очевидно, должен был фильтровать устное народное творчество, не фиксируя негативное отношение крестьян к советской действительности.

В 1949 г. были изъяты из продажи «Ученые записки юридического института» за ряд «грубейших теоретических ошибок и политических извращений». Конкретные обвинения были предъявлены Левшину и Маленкову за то, что в своей совместной статье они приводили данные о резком сокращении «спекулянтов среди единоличников» и незначительном сокращении их среди колхозников и служащих. Порочной и вредной была признана также статья из этого сборника старшего преподавателя Ахмадеева «Очерки по конституционной истории Турции», в которой он характеризовал государственный строй

Турции как демократический, подчеркивая большую роль в его утверждении Кемалья-паши, журналиста Ялчина. Отрицательную оценку обкома ВКП(б) получил также сборник трудов Казанского финансово-экономического института (выпуск 8, 1948 г.) за «аполитичный характер, низкий идейный уровень». На этот раз в отсутствии критики буржуазных экономистов в вопросах налоговой политики капиталистических государств был обвинен сотрудник института Сакс. Как отмечается в партийных документах, Сакс «под видом полемики с буржуазными экономистами, по существу пропагандирует теорию налогов буржуазных экономистов»¹⁶.

Во второй половине 1940-х гг. в стране усилился не только идеологический прессинг. С окончанием войны власти стали активно прибегать к репрессивным методам, возобновившим в стране довоенную атмосферу страха и подозрительности. За малейшую провинность, даже за неосторожное высказывание в ходу были обвинения в антисоветской деятельности и совершении контрреволюционных актов. Так, в 1947 г. из партии был исключен сотрудник Казанского филиала Академии наук СССР У.Ш. Байчура за то, что во время чаепития с коллегами, глядя на портрет Сталина, сказал: «Вот он о пайке не думает». Ситуация усугублялась тем, что чаепитие происходило на избирательном участке, призванном служить очагом политической безупречности. Очевидно, поэтому этот безобидный с точки зрения здравого смысла инцидент имел неприятные последствия не только для автора высказывания, но и секретаря партийной организации Фурасова, снятого со своего поста за «нерасторопность при принятии решения по поводу проступка» Байчуры¹⁷.

Особая волна недоверия поднялась против военнопленных. Характерной в этом отношении является реакция Татарского обкома ВКП(б) на анонимное письмо (1949 г.), содержа-

щее факты «неправильного отношения» к кадрам со стороны первого секретаря Кзыл-Юлдузского райкома ВКП(б) С.В. Вафина. В нем сообщалось о лицах, недостойных, с точки зрения писавшего, занимаемых ими должностей. При этом причины назывались самые разные, чаще всего за недобросовестное исполнение своих обязанностей, круговая порука, аморальность. И лишь в отношении помощника секретаря Л.Я. Новиковой в качестве причины был приведен факт того, что ее брат, преподаватель математики Кутлубукашской средней школы Г.Я. Новиков, был в немецком плену. Татарский обком ВКП(б) среагировал только на этот аргумент, порекомендовав освободить Новикову от работы, что вскоре и было сделано¹⁸. Необходимо отметить, что в архивных фондах, содержащих материалы по послевоенному периоду, аналогичного, анонимного компромата встречается довольно много¹⁹.

Настороженное отношение властей к вчерашним победителям, дошедшим до Берлина, было совсем не случайным. Они видели во фронтовиках потенциальный источник для развенчивания идеологических штампов об СССР как самом передовом государстве мира. Действительно, у многих фронтовиков после знакомства с жизнью на западе, менялся социально-психологический настрой. Так, в Новом Надырове многие запомнили, с каким восторгом о жизни в Германии рассказывал сын председателя колхоза, первый колхозный шофер Юсуп Шафикович Гараев, прошедший войну от начала и до конца. А побывавший в плену надыровец Салих Зарипов говорил односельчанам, что условия жизни даже в плену были лучше, чем в колхозе. В результате за «антисоветскую агитацию» фронтовик был осужден на 25 лет лишения свободы. Преследованиям подвергались даже те, кто не был замечен в антисоветских высказываниях, но побывал в плену. Так, на несколько лет были лишены свободы такие широко известные ныне деятели, как писатели Аяз Гиля-

зов, Гурий Тавлин, Суббух Рафиков, защитник Брестской крепости П. М. Гаврилов, доблестный летчик М. П. Девятаев, участник французского движения Сопротивления А. Г. Утяшев.

Распространенным наказанием для коммунистов, побывавших в плену, было исключение из партии. В 1947–1948 гг. ему подверглись 26 человек. Подобные меры применялись и в отношении «детей бывших эксплуататоров», лиц, не скрывавших своих религиозных взглядов и открыто соблюдавших обряды. В 1947–1948 гг. Татарским обкомом ВКП(б) из партии было исключено за сокрытие социального происхождения 26 человек, за соблюдение религиозных обрядов – 23 человека, за антисоветские высказывания – 26 человек. При этом основную массу исключенных из партии составляли молодые коммунисты, вступившие в партию в 1941–1947 гг.²⁰ Среди них было немало талантливой молодежи, отличившихся личностей.

Начавшийся в 1950-е гг. процесс десталинизации не мог не вызвать оживления в различных сферах общественной жизни Татарстана. Пожалуй, первым серьезным знаком политических перемен стала начавшаяся осенью 1953 г. реабилитация репрессированных. Она коснулась сотен человек, обвиненных в процессах, происходивших в республике по сфабрикованным в 1933–1937 гг. делам «Контрреволюционной немецкой фашистской организации», «Контрреволюционной повстанческой организации», «Контрреволюционной троцкистской группы», «Контрреволюционной троцкистской террористической организации», «Крестьянского иттифака», «Контрреволюционной троцкистско-националистической террористической организации». Из наиболее известных политических работников и творческих деятелей республики были реабилитированы председатель СНК ТАССР К.А. Абрамов, председатель ЦИК ТАССР Г.Г. Байчурин, государственный деятель, редактор газеты «Кзыл Татарстан» А.М. Дав-

летьяров, первые секретари Татарского обкома ВКП(б) А.К. Лепа, М.О. Разумов, М.М. Хатаевич, нарком легкой, затем местной промышленности ТАССР А.Г. Ганеев, нарком земледелия А.И. Искендеров, бывший старший помощник прокурора республики Х.Х. Алкин, первые секретари райкомов ВКП(б) З.Г. Гильмутдинов, Х.Р. Палютин, Г.П. Тикн, политический деятель, проректор Татарского коммунистического университета И.Ш. Рахматуллин, главный редактор Татгосиздата В.С. Шафигуллин, языковед, брат Садри Максуди Хади Максуди, бывший преподаватель медресе «Мухаммадия» А.Р. Мустафин, историк, заместитель директора Татарского научно-исследовательского экономического института М.К. Корбут, экономист-географ, ректор КГУ Н.З. Веклин, медик-патологоанатом, ректор Казанского ГИДУВа М.И. Аксянцев, публицист и педагог С.С. Атнагулов, первый прокурор ТАССР, директор Казанского химико-технологического института Г.Б. Богаутдинов, писатель и педагог Ф.К. Сайфи-Казанлы, директор Казанского института охраны труда С.М. Шварц, историк, профессор Н.Н. Эльвов, известные писатели Галимджан Ибрагимов, Карим Тинчурин, Шамиль Усманов. Выжить в застенках сталинских лагерей и вернуться домой смогли писатели Аяз Гилязов, Гурий Тавлин, Суббух Рафиков, поэт Хасан Туфан, генералы Нигмат Еникеев, Якуб Чанышев.

Но процесс реабилитации в 1950-е гг. носил незавершенный, половинчатый характер. За многими видными деятелями Татарстана 1920–1930-х гг. по-прежнему сохранялось зловещее по тем временам клеймо националистов, султангалиевцев. В сопроводительных письмах из высших судебных инстанций строго указывалось: «В случае установления ближайших родственников необходимо сообщать им лишь результат рассмотрения дела, не объявляя полностью содержания определений». Реабилитации не подлежали репрессированные во время насиль-

ственной коллективизации, борьбы с «национал-уклонизмом», преследовавшиеся по религиозным мотивам. Местные органы часто перестраховывались при пересмотре дел по заявлениям пострадавших и их родственников, необоснованно отказывая в оправдательных решениях. Характерным свидетельством этому является докладная записка прокуратуры РСФСР о проверке работы прокуратуры ТАССР за 1959 г. По 22 проверенным российскими органами случаям все они заканчивались или необоснованными отказами со стороны прокуратуры ТАССР или отправкой дела на доследование даже при очевидности несправедливого наказания. Так, на дополнительную проверку было направлено дело А.Ш. Шакирова, который, как указывается в документе, был «старым членом партии и крупным ученым специалистом». В 1942 г. он был обвинен в организации антисоветской националистической деятельности, но в деле полностью отсутствовали доказательства вины Шакирова. Аналогичная ситуация сложилась по делам М.Ф. Бывальцева, А.Я. Прохорова, С.М. Шарафеева, В. Хамзина и др. Прокуратура Татарской республики боялась принять решение о реабилитации даже в случаях, в которых обвинение выглядело совершенно абсурдным. Так, малограмотному осужденному Бывальцеву вменялась в вину «организация вокруг себя кулаков» во время вилочного восстания. Было очевидно, что дело не нуждается в проверке, ведь во время вилочных восстаний Бывальцеву было всего 10–11 лет. Сложившееся в республиканской прокуратуре положение объяснялось боязнью местных органов власти в принятии самостоятельных решений. Это хорошо видно из высказываний участников совещания при прокуроре Татарской АССР по результатам проверки, состоявшегося в марте 1960 г. Так, Насыбуллин заявил: «Наших ошибок во много раз было бы меньше, если бы Прокуратуры СССР и РСФСР периодически ориентировали нас о практике рассмотрения этих дел».

А Доронин выразился еще откровеннее: «Это получается из-за неоднократных изменений практики рассмотрения этих дел»²¹. Эти слова со всей очевидностью показывают не то, что местные органы власти были не готовы к переменам, а то, что они не уловили ветер перемен из Москвы.

Между тем в середине 1950-х гг. наметилась определенная тенденция отхода от откровенно диктаторского режима, унитарной модели с сильным центром к рассредоточению части полномочий по отдельным регионам. Были предприняты попытки повысить значение Советов в культурном строительстве. Также с 1957 г. Верховный Совет ТАССР, как и аналогичные органы в других автономных республиках, стал обсуждать годовые народнохозяйственные планы, составленные на основе директив центра. Были несколько расширены права исполнительских структур автономий в области руководства промышленностью, а также городских и районных Советов в основном по вопросам культурно-бытового строительства на своей территории. Расширению социалистической демократии должны были служить различные общественные организации, активно создававшиеся в рассматриваемый период на производстве, по месту жительства, в советских органах. Многочисленные домкомы, уличкомы, женсоветы, народные дружины, производственные общественные бюро и т.д. и т.п. были призваны направить энергию людей на установление коммунистических отношений в обществе, которые, как декларировалось в политических документах, через 20 лет должны были стать господствующими в СССР. Однако ни одно из общественных формирований не могло существовать без одобрения партийных и государственных органов, что показывало весьма ограниченные пределы курса на демократизацию общества.

Между тем поворот к либерализации дал определенный импульс процессу духовного освобождения и воз-

рождения надежд у людей на радикальное изменение политической атмосферы. В Татарской республике, как и в целом по стране, отмечались определенные попытки сформировать вне партийного и комсомольского влияния самостоятельные общественные организации, однако их деятельность, небезосновательно рассматриваемая властями как возможность возрождения оппозиционных политических течений, медленно пресекалась.

Как и по всей стране, заметную деятельность по воплощению в социальную жизнь подлинных демократических принципов предпринимали студенты казанских вузов. Так, в финансово-экономическом институте в 1956 г. была предпринята попытка создания дискуссионного кружка, инициаторами которого выступили коммунист Саидгаджиев и комсомольцы Гайнутдинов, Нуруллин, Турьянский, Катаев. В свой клуб они привлекали «только тех, кто имеет собственные мысли, кто может самостоятельно мыслить, независимо от нашей партийной идеологии»²². В нем, как заявил Катаев на комсомольском собрании студенческой группы 29 ноября 1956 г., студенты собирались обсуждать вопросы политики, экономики и культуры без опеки сверху²³. Были сделаны и первые шаги по осуществлению намеченного. Так, на одном из заседаний общества обсуждался вопрос «Является ли культ личности продуктом социалистического общества?» Заслуживает внимания высказывание по этому вопросу уже упоминавшегося Катаева: «Если бы у нас существовало две партии, не было бы и культа личности. Например, в капиталистических странах существует несколько партий, там нет, и не может быть культа личности». Катаев подметил также, как вместо культа личности Сталина в стране стал складываться культ личности Ленина²⁴.

Наряду с финансово-экономическим институтом «неблагонадежностью» отличались химико-технологический и ветеринарный институты. К приме-

ру, в КХТИ студентами Сапожниковым и Фридманом «тайно, без ведома партийной и комсомольской организаций» был выпущен специальный номер стенной газеты «Голос курса», в передовице которой содержался призыв: «Ругать нужно все, что кажется неправильным, косным, бюрократическим»²⁵. В ветеринарном институте большой резонанс получили публичные «дезорганизирующие, демагогические и антиобщественные» выступления студентов 5-го курса Павлова, Липовцева, Ахметова, Ельцова, Чегвинцева и Сиразеева против проекта реформы высшего образования, предложенного Минвузом СССР²⁶.

Несмотря на то, что большинство конкретных предложений студентов сводилось к недовольству организацией учебы и желанию внести в нее целесообразные с их точки зрения изменения, власти республики были весьма встревожены настроением студенческой молодежи. Во всех вузах Казани были организованы собрания, на которых вышеназванные студенты были подвергнуты публичному осуждению. О том, что этим собраниям власти придавали далеко не формальное значение, говорил тот факт, что во всех без исключения вузах на них присутствовали авторитетные руководители республиканского значения. К примеру, в университете, химико-технологическом институте присутствовал секретарь обкома Батыев, в ветеринарном — Бадыгов, в сельскохозяйственном и авиационном — заместитель заведующего отделом науки, школ и культуры обкома КПСС Мангуткин и т.п.²⁷

К тому же не для всех студентов их стремление к «демократическим излишествам» закончилось моральным наказанием. Инициаторы создания дискуссионного клуба в КФЭИ Катаев, Нуруллин были исключены из комсомола, Саидгаджиев — из КПСС, все трое были отчислены из института. На директора института Бунина и декана факультета Андреева, на котором учились эти студенты, «за притупление по-

литической бдительности» были наложены партийные взыскания²⁸.

Куда более суровым мерам подвергались люди, проявлявшие оппозиционные настроения по отношению к существующему строю не в виде публичных высказываний, а конкретных действий. Так, 16 августа 1957 г. в городе Чистополе было обнаружено четыре листовки «антисоветского содержания», прикрепленные на здании горсовета. После тщательного расследования их автор был установлен. Им оказался уроженец г. Чистополя, прибывший на каникулы студент четвертого курса Московского института международных отношений А.М. Васильев. Органами КГБ ТАССР он был арестован по знаменитой статье 58–10²⁹. В обнаруженном нами документе ЦГА ИПД РТ автор листовок раскаивается и пытается объяснить происхождение своих оппозиционных взглядов причинами личного характера: отказом властей предоставить лучшие жилищные условия его родителям.

В данном конкретном случае, возможно, это и было одним из решающих факторов проявления нелояльного отношения к власти. Однако, безусловно, связывать существование оппозиционных настроений в обществе только с подобными факторами нельзя. Также вряд ли можно считать их случайными и единичными. Во всяком случае документально подтверждается, что аналогичные «вылазки антисоветских враждебных элементов» в республике наблюдались еще. В подтверждение этого приведем сопровождающую записку секретаря Татарского обкома КПСС С. Батыева в отдел парторганов по РСФСР В.М. Чураеву, датированную 12 февраля 1956 г. В ней, в частности, говорится: «Направляем при этом листовку “Обращение ко всем гражданам г. Казани” антисоветского содержания»³⁰.

Но если листовки и можно рассматривать как результат фрондирования так называемых бунтарей-одиночек (хотя в республике этот вопрос еще не был предметом обстоятельного специ-

ального исследования), то о наличии более-менее широкой, во всяком случае, заметной оппозиции в республике, хотя и не носившей явно эпатажного характера, можно говорить в связи с национальным вопросом. Всколыхнутые либеральными начинаниями XX съезда КПСС, широкие слои татарской интеллигенции выдвигали на самых различных уровнях заявления по повышению государственного статуса республики, принятию решений по развитию национальной культуры, языка.

Наиболее радикальные требования, связанные с необходимостью повышения государственного статуса ТАССР, исходили от представителей татарской интеллигенции. Еще до знаменитого XX съезда КПСС группа творческих деятелей республики направила письмо в ЦК КПСС, в котором наряду с вопросами культурного возрождения татар ставилась проблема предоставления Татарстану статуса союзной республики³¹. После же разоблачительной критики культа личности Сталина, прозвучавшей с трибуны съезда, выступления интеллигенции умножились и усилились.

В 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района г. Казани писатель Г. Кашшаф, говоря об огромном вреде культа личности в области исторических наук, литературы и искусства, открыто выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику»³². В 1957 г. писатель Н. Фаттах отправил письма с требованием реорганизации Татарской автономной республики в союзную республику первым лицам государства, включая Н.С. Хрущева³³. Прежде с этим вопросом он обращался в высшие инстанции в республике, где его суждения были расценены как ошибочные. О несправедливости пребывания Татарской республики в статусе автономии говорилось в письме в «Литературную газету» Г. Энверова и Ш. Фахрульисламова, написанном также в 1957 г. В своем послании «О бу-

душем татарской нации» в это одно из самых популярных изданий того времени они, в частности, пишут: «Из-за такого второстепенного признака, как отсутствие границ с иностранными государствами, положение в наших школах и на приемных экзаменах в вузы отличается от положения в других республиках»³⁴.

Известный татарский писатель Ш. Маннур, отличавшийся умением говорить правду и следовать ей даже в период послевоенной сталинской реакции, за что был исключен из членов ВКП(б), после XX съезда КПСС не побоялся напрямую обратиться к первому лицу в государстве Н. С. Хрущеву с откровенным изложением своей тревоги относительно социально-экономической и социально-культурной ситуации в Татарской республике³⁵. Особые опасения автора связаны с духовным состоянием татар. В частности, Ш. Маннур отмечает: «У нас много запутанности, извращений в области просвещения, языка и литературы, культуры и искусства. В Казани и многих районах все делопроизводство, даже судопроизводство поставлено на русском языке. Наши руководители выступают только на русском языке. За послевоенное десятилетие татарская литература и искусство имеют очень незначительные сдвиги. Татарский драматический театр в особо трудном положении. Он из года в год расстается со своими лучшими старыми кадрами, а новых не выращивает. В это десятилетие секретари обкома руководили литературой и искусством только путем окрика, проработки, исключения и громовых постановлений. Поэтому развитие литературы и искусства не только не поощряется, а искусственно ограничивается. Несчастье в том, что эти товарищи не читают и не понимают своей литературы. Отсюда отсутствие всякого живого партийного руководства этой областью».

Татарская интеллигенция в Казани предпринимала неоднократные попытки выработать стратегию консолидации татарской нации в меняющемся

мире. На собрании Союза писателей в 1956 г. Амирхан Еники, Ахмет Файзи, Хатип Усманов подняли вопрос о необходимости создания некоего координационного культурного центра для всех шести миллионов татар, разбросанных по всей стране. Однако эта позиция была решительно отвергнута руководителями республики С. Игнатьевым и С. Батыевым как курс, ведущий к национальной обособленности, возвращение к «теории культурно-национальной автономии, давно разгромленной партией»³⁶.

В период хрущевской оттепели творческая интеллигенция стремилась сполна воспользоваться возможностями, открытыми XX съездом КПСС, для возрождения и дальнейшего развития татарской культуры. В мае 1956 г. на заседании правления Союза писателей были обсуждены наболевшие вопросы татарской литературы. Выразив тревогу по поводу того, что «Таткнигоиздат» за последние годы начинает терять свое лицо как национальное издательство, писатели существенно пересмотрели план изданий в сторону увеличения выпуска татарской литературы³⁷. В ходе его обсуждения секретарь Союза писателей А. Шамов отметил такую деталь, что «Неотосланные письма» Аделя Кутуя в Узбекской республике издали тиражом в 60 тысяч экземпляров. «Мы у себя, — сказал Шамов, — ни разу не имели возможности выпустить таким большим тиражом произведение нашего татарского писателя»³⁸.

Настойчивыми были в этот период попытки со стороны писателей добиться издания в Казани литературного иллюстрированного журнала для молодежи³⁹. Его отсутствие напрямую связывалось с неполноценным государственным статусом Татарской республики. С этим же фактором национальная интеллигенция связывала и более низкую оценку труда творческих деятелей в автономии по сравнению с союзными республиками, ставя вопрос об изменении такого положения. Так, заместитель председателя Союза писателей Та-

тарской АССР Сибгат Хаким обратился в Татарский обком КПСС с просьбой устранить положение неоправданного ущемления прав местных писателей. «За художественные произведения, издаваемые в автономных республиках, — писал он, — гонорар оплачивается на 25% ниже, чем в союзных республиках, а за драматические произведения — ниже на 50%»⁴⁰.

Активность татарской интеллигенции по улучшению условий для развития национальной культуры заметно повысилась после успешно проведенной в 1957 г. Декады татарской литературы и искусства в Москве. Это был настоящий триумф татарского искусства, продемонстрировавший не только высокое мастерство творческих деятелей республики, но и востребованность его достижений со стороны широких слоев населения. В рамках декады свои лучшие спектакли показали Татарский государственный театр оперы и балета им. М. Джалиля, Казанский Большой драматический русский театр им. Качалова, Татарский академический театр им Г. Камала. В залах Академии художеств СССР было выставлено более 700 произведений изобразительного искусства Татарстана.

Вдохновленный позитивным резонансом декады, председатель правления Союза писателей Г. Баширов поставил перед Татарским обкомом КПСС целый перечень вопросов: о возобновлении выходившей до войны татарской периодики — ежемесячном литературно-художественном журнале для молодежи, пионерской газеты, о преобразовании альманаха «Литературный Татарстан» на русском языке в журнал, увеличении штата сотрудников и гонорарного фонда для журнала «Совет эдэбияты»⁴¹. В этот же период Г. Баширов на страницах республиканской газеты высказался за запрет давать татарским детям русские имена, видимо, улавливая в этом признаки комплекса национальной неполноценности у родного народа⁴².

Смелой гражданской позицией отличался и один из самых авторитетных татарских писателей Амирхан Еники. Протестуя против его политической инструментализации творческой деятельности, он в публичном выступлении, подвергнувшись резкому осуждению с официальной трибуны, высказался против опеки деятелей культуры со стороны партийных органов: «Там, где есть принуждение, искусство погибнет»⁴³. Опираясь на многочисленные факты, А. Еники охарактеризовал культурную ситуацию в республике как тревожную. «Я не скажу, что татарский народ исчезнет. Он будет жить и творить, но что будет с его культурой? Мне кажется, что за последние 15—20 лет в национальной политике (теоретические положения, безусловно, верны), в практике сделаны многие упущения», — сделал вывод писатель⁴⁴. Высказывание А. Еники хорошо высвечивает отношение татарской интеллигенции к модернизационным процессам республики. Рассуждение писателя о верности теоретических положений в национальной политике и о том, что татарский народ будет жить и творить с одновременно высказанной тревогой о судьбе татарской культуры, показывает, что татарская творческая интеллигенция приняла советскую модель социальной трансформации, но осознавала опасную тенденцию угасания этнического фактора в модернизирующейся республике.

Характерно, что во всех упомянутых обращениях, на всех форумах, касавшихся национального вопроса, общественность республики тревожилась, прежде всего, о судьбе татарского языка. В целом в конце 1950-х гг. в атмосфере нарастающей демократизации в стране и под воздействием настоятельных выступлений интеллигенции руководство республики принимает ряд мер, направленных на создание благоприятных условий для развития татарского языка и национальной культуры в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1143. Л. 51–55.
- ² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1154. Л. 30–31.
- ³ *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа. — Казань: Таткнигоиздат, 1999. — С. 335–336.
- ⁴ *Галиуллина Д.* Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2004. — № 2. — С. 26.
- ⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 229.
- ⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 287.
- ⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 284.
- ⁸ История Казани в документах и материалах. XX век. — С.440–441.
- ⁹ *Никифоров В.В.* Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1945–1952 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1984. — С. 153.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 778. Л. 43.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 778. Л. 43.
- ¹² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 287. Списки названий запрещавшихся спектаклей в 1946–1949 гг. см. подробно: История Казани в документах и материалах. XX век. — С. 638–642.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 31. Л. 14.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 277. Л. 3–10.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 277. Л. 10.
- ¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 122.
- ¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп. 16. Д. 26. Л. 10–12.
- ¹⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 1. Л. 123, 124.
- ¹⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 30. Д. 1. Л. 115; Д. 4. Л. 5; Д. 5. Л. 104, 165, 174; Оп. 37. Д. 15. Л. 215.
- ²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 177.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 11. Д. 559. Л. 18, 24, 41.
- ²² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 38. Ед. хр. 133. Л. 18.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 19.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 21.
- ²⁷ Там же. Л. 22.
- ²⁸ Там же. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Ед.хр. 93. Л. 155.
- ³⁰ Там же. Л. 71.
- ³¹ *Исхаков Д.М.* Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. — Казань, 1997. — С. 34.
- ³² ЦГА ИПД РТ. Ф. 19. Оп. 45. Д. 72. Л. 108.
- ³³ Там же. Ф. 15. Оп. 38. Д. 196. Л. 111.
- ³⁴ Там же. Д. 191. Л. 65.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 55. Л. 108–116.
- ³⁶ Там же. Л. 10–11.
- ³⁷ Там же. Оп. 38. Д. 473. Л. 38.
- ³⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.15 . Оп.41 . Д.120 . Л. 85.
- ³⁹ Там же. Л. 94.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 37. Д. 378. Л. 53.
- ⁴¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 38. Д. 473. Л. 94–95.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 31. Л. 11.
- ⁴³ Там же. Л. 162.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 15. Д. 31. Л. 8.

Аннотация

В статье проанализировано состояние национально-культурной политики в послевоенном Союзе ССР в контексте проблемы самоидентификации татар. На основе анализа документов, извлеченных из республиканских и российских архивов, показаны трудности и противоречия культурного строительства в Татарской АССР в этот период, позиция национальной интеллигенции и широких слоев населения.

Ключевые слова: национально-культурная политика, татары, ТАССР, «оттепель».

Summary

The paper analyzes the national cultural policy in the postwar Soviet Union in the context of self-identification of the Tatars. On the basis of the analysis of documents retrieved from the republican and Russian archives, the difficulties and contradictions in the cultural development of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic of this period are shown as well as the position of national intelligence and the general population.

Key words: National Cultural Policy, the Tatars, TASSR, «Thaw».